
П.А. Флоренский о противоречии (логико-методологический анализ)¹

И. А. ГЕРАСИМОВА

ABSTRACT. In the theological tradition antinomy, taken as self-contradiction, connection to the thesis and antithesis into a single entity, is understood as the best way to express the integrity of Divine Truth. This conclusion is a common place or antinomic strategies of different religious traditions. Does the concept of logical contradiction express the meaning of antinomy? Analysis of Florensky's texts leads to the idea of distinguishing between aspects of logic, reasoning and rhetoric. This distinction helps to investigate the religious texts employing on scientific methodology.

Keywords: Florensky, antinomy, logical contradiction, theology, logic, reasoning, rhetoric

1 Особенности использования языка логики о. Павлом Флоренским

Проблема соотношения логики и теологии становится вновь актуальной в связи с расширением культурологических и религиозно-ведческих исследований. Немалый интерес среди специалистов вызвали труды о. Павла Флоренского, посвященные анализу священных текстов, в котором религиозный мыслитель привлекает методы зарождавшейся математической логики. Он называет ее логистикой. Тексты П.А. Флоренского и особенно «Глава VII. Письмо шестое: противоречие» в книге «Столп и утверждение истины» [12, 13] вызвал дискуссию среди логиков. Основной вопрос, который ставит Флоренский, это проблема выражения Божественной Истины средствами рассудка. Мыслитель обсуждает традиционную проблему передачи бесконечных смыслов конечными средствами языка и логики. Флоренский вслед за Кантом видит решение проблемы в антиномичной стратегии.

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 11-03-00761а.

Антиномичность, мыслимая как самопротиворечивость, соединение тезиса и антитезиса в одно целое, в данной традиции понимается как наилучший способ выражения целостности высшей Истины. Для обоснования своих идей мыслитель воспользовался принципами и формальным языком классической логики высказываний — новой для начала XX в. области научного знания. Отмечу, что изучение основ логики во времена Флоренского входило в состав обязательных предметов в богословских учреждениях. Встают вопросы: насколько язык математической логики оказывается адекватным для выражения основной идеи Флоренского? Насколько адекватно понятие логического противоречия представляет понятие антиномии?

Логическому анализу текстов Флоренского посвящен ряд работ, среди которых выделим таких авторов, как Б.В. Бирюков [2, 3], В.А. Бочаров [4], И.П. Прядко [3] и Е.А. Сидоренко [11]. Мнения специалистов разделились. Камнем преткновения стал анализ интерпретации Флоренским задачи Кэрролла [11]. Если сформулировать условия задачи на языке логики, то можно поставить вопрос о выводимости из посылок:

$$q \rightarrow r \text{ (1) и } p \rightarrow (q \rightarrow \neg r) \text{ (2)}$$

$$\text{формулы } p \rightarrow \neg q \text{ (3).}$$

Бирюков в работе 1999 г., а затем в совместной работе с Прядко 2010 г. пишет:

«Флоренский показывает, что данная выводимость в классической пропозициональной логике имеет место, и это используется им для опровержения того, будто Священное Писание и православная догматика противоречивы» [3, с. 59]. Бочаров справедливо замечает, что данная выводимость именно в классической логике не имеет места. Шаг за шагом критикуя логический анализ Бирюкова, Бочаров возмущается оценкой логической компетентности Флоренского. В отношении последнего позиция Бочарова крайне негативная: «Что за абракадабру выдает нам “великий логик”?» — возмущается автор [4, с. 124].

Для каких же целей Флоренский разбирает задачу Кэрролла?

Вывод богослова простой: там, где логик или рационалист видит противоречие, духовно просветленный человек усматривает антиномию — средство выразить полноту Божественной Истины. В примере Флоренского q означает противоречивость

Св. Писания и догматики Церкви, r — их небожественное происхождение, а p — состояние духовного просветления.

Идеи Флоренского подробно были исследованы Е.А. Сидоренко. Он выявил недочеты логического анализа философа, о которых последний как не специалист мог и не подозревать. Вместе с тем была предложена реконструкция рассуждения о противоречивости Священного Писания на основе средств немонотонной и паранепротиворечивой логики. Сидоренко предложил вариант реконструкции задачи Кэррола, в котором принимаются оба утверждения:

$$q \rightarrow r \text{ (1) и } p \rightarrow (q \rightarrow \neg r) \text{ (2).}$$

Если воспользоваться языком немонотонной логики, оказывается позитивно решенной проблема совместимости противоречивости некоторого объекта с божественностью его происхождения. «Если в случае духовного просветления объект (в нашем случае это было Священное Писание) выступает как высшее единство, то его представляющая обыденному (духовно непросветленному) сознанию противоречивость как раз и говорит о божественном его происхождении», — делает вывод Сидоренко [11, с. 182]. Первое высказывание отражает позицию рационалиста, а второе — позицию мистика. Наличие противоречия не ведет к тривиальным следствиям.

Представляется, что Сидоренко наиболее близко подошел к пониманию смысла философско-логических размышлений Флоренского.

Попробуем вдуматься в текст Флоренского путем медленного чтения. Следующий вывод напрашивается с самого начала: в текстах Флоренского формальная запись на искусственном языке логики не согласуется с переводами формул и пояснениями на естественном (русском) языке. Формулы записаны на языке логики, доступной для указанного времени (работа «Столп и утверждение истины» вышла в свет в 1914 г.). А именно — на языке классической логики.

В соответствии с уровнем научного познания начала XX в. Флоренский не различает импликацию и условную связку естественного языка «если, то», а также импликацию и логическое следование. Предполагается, что классическая импликация, условная связка и логическое следование имеют общий смысл. Ло-

гика классов (логическая экспликация понятий на формальном языке) не отличается от логики высказываний. В чем же упрощение? Нет оговорки относительно использования формальных средств для представимости выражений естественного языка. Перевод с естественного языка на формальный, и обратно, оказывается чисто условным и не адекватным с современной точки зрения.

Рассмотрим пример Флоренского. Поясняя задачу Кэррола (формулы 1,2), Флоренский приводит в качестве частного случая пример: «Небо — голубое; на закате небо — красное. Что можно заключить отсюда?» [13, с. 503]. Его перевод в язык классической логики: «Обозначим: “небо” — q , “голубое” — r , “на закате”, т.е.: “когда закат”, “если закат”, “закатное”, — p » [11, с. 503]. Напрашивается перевод на язык логики предикатов. Можно использовать язык логики классов. Можно использовать выразительные возможности неклассических логик. Сам Флоренский не делает различий между языком логики высказываний и логики предикатов. О выразительных возможностях неклассических логик ему неизвестно.

Философ говорит на языке логики, невзирая на правила этого языка. Его мысль выходит за пределы классических формализмов. С точки зрения современного уровня познания можно сказать, что выразительные средства языков неклассических логик позволяют эксплицировать смысл многих рассуждений Флоренского, но отнюдь не всех.

Любопытная деталь. Мысль Флоренского порой выходит за пределы логических стандартов и никакими формальными средствами ее не выразить. Приведу красноречивый пример. Флоренский отличает ложь от антиномии добавлением знака истины в формулу антиномии. Данный шаг, на мой взгляд, свидетельствует о том, что все дело не в новых формализмах, изобретенных логиками, а в попытке выразить содержательные идеи на формальном языке, что выходит за пределы возможностей логики. Нетрудно убедиться, что следующие рассуждения философско-богословские, а не логические.

В формуле (X) к логическому противоречию добавляется знак истины (Veritatis) — V , где P — знак антиномии.

$$P = (p \cap \neg p) \cap V \quad (X)$$

«Переводя формулу (X) на обычный язык, скажем, — поясняет Флоренский, — “Антиномия есть такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так что недоступно никакому возражению”. Прибавка же символа V, подымая антиномию над плоскостью рассудка, и есть то, что отличает антиномию P от лжи \wedge (перевернутое V или $\neg V$), лежащей в плоскости рассудочной и определяемой формулой:

$$\wedge = (p \cap \neg p) \quad (XI) \text{ [12, с.152].}$$

Как же отличить ложь от антиномии?

Флоренский следует богословскому решению: последнее слово за духовным авторитетом, которому дарована способность постигать сущность, проявление божественной истины в мирской жизни.

2 Вопрос о рациональном и мистическом познании

Исторически данный вопрос рассматривался как рационалистами, так и мистиками. На языке Флоренского именно антиномия отражает восприятие божественной истины человеком исходя из возможностей его природы. В божественной истине совпадают форма и содержание, она целостна.

«Но, воспринятое и усвоенное тварью, знание Истины ниспадает во время и пространство, — во время многообразия личного и в пространство многообразия общественного. Этим дважды разрывается непосредственное единство формы и содержания, и знание Истины делается знанием об Истине. Знание же об Истине есть истина» [12, с. 141].

Используя язык современной эпистемологии, можно сказать, что здесь предполагается личностное и социокультурное восприятие божественной истины, ее понимание, интерпретация и репрезентация (представленность в обусловленном традициями и менталитетом языке). Когнитивные стили рационалиста и мистика различны. Интерес представляет мнение самих мистиков о мистиках. При чтении текстов духовных учений в восприятие смысла вводится позиция, которая порой опускается неискушенным читателем: *чтобы понять, что говорят, стоит оценить того, кому говорят*. Представляется важным прояснить

историко-культурную традицию отношения к Священным текстам.

На становящееся христианское богословие несомненное влияние оказала комментаторская традиция неоплатоников. В древнейших цивилизациях Ближнего Востока была хорошо разработана пропедевтика «говорения по сознанию». Укажем на два распространенных в поздней античности аргументативно-методологических подхода в прочтении текстов. В Афинской школе неоплатоников использовали экзегетический метод, введенный в школьную практику Ямвлихом (основатель сирийской школы неоплатоников, ок. 245/250–ок. 326). «Отличительными особенностями этого метода, — поясняет исследователь античности С.В. Месяц, — были: 1) “принцип единства толкования”, требующий разъяснять смысл отдельных частей текста в согласии с его основной темой, и 2) обычай толковать одну и ту же фразу с разных точек зрения: этической (=психологической), физической, теологической, как бы выясняя ее значение на разных уровнях неоплатонической реальности.

Теологическое толкование, в свою очередь, требовало умения различать в комментируемом тексте два способа раскрытия божественных истин: *образный* и *символический*» [9, с. 640]. Считалось, что образный способ используется преимущественно философами в пропедевтических целях пробуждения разумной части души и ее подготовки к чистому рассуждению. Символический способ встречается в мифах и присущ людям, достигшим высших мистических совершенств. Из сказанного становится ясно, что один и то же древний текст не только может трактоваться по-разному, но и будет воспринят по-разному в соответствии с уровнем сознания и когнитивным стилем читателя. Принцип единства толкования выполнял в том числе и защитную функцию, запрещая «вырывать фразу из контекста».

Аргументативная и комментаторская школа неоплатоников оказала влияние на последующих ученых, в том числе и на христианских экзегетов. Христианский мыслитель, учитель Церкви Ориген (185–254) в фундаментальном для становящегося вероучения сочинении «О началах» разделял тех, кто следует *букве, душе и духу Писания*. Простые люди должны назидаться обычным и историческим смыслом (тело Писания), душевные

люди будут переживать смысл в эмоционально-образных формах (например, притчи), но преуспевшие в совершенстве могут подняться до понимания тайной, сокровенной мудрости (дух Писания) [10, с. 258–294]. Не все места Писания могут быть прочитаны буквально, а в кажущихся противоречиях стоит искать высшие, духовные смыслы. Ориген отрицал плотно-телесную природу ума. Сознание не есть функция мозга, если продолжить эту мысль на современном языке, но мозг «участвует» в работе сознания (ума). Преображение природного человека в духовное существо идет по пути очищения и преобразования его животной природы.

Следуя библейскому мудрецу Соломону, александрийский богослов обращает внимание на два рода чувств: «один род чувств — смертный, тленный, человеческий; другой род — бессмертный и духовный» [10, с. 47], причем «чувство ума» гораздо выше телесных чувств. Словосочетание «чувство ума» не может передавать тот смысл, который вкладывается в вычислительное, отвлеченное мышление. Имеется в виду духовный ум, который в традиции ассоциируется с чистым сердцем — не физическим органом, но средоточием духовных (божественных) познавательных сил. «Этим-то божественным чувством — не очей, но чистого сердца, т.е. ума — и могут видеть Бога все те, которые достойны (Его)», — поясняет Ориген. В ортодоксальной православной традиции Оригена чтут как учителя церкви, заложившего основы богословия, но не более. Многие положения учения Оригена, которое в философском отношении квалифицируется как христианский неоплатонизм, были отвергнуты в ходе становления официальной доктрины. Среди его учеников по определению церкви оказались и святые, и еретики.

Древнейшая религиозная традиция отдавать предпочтение мистическому перед рациональным в свое время была узаконена бесспорным авторитетом — апостолом Павлом, который занимал крайнюю позицию в отношении образованности и учености. В противостоянии с фарисеями и греческими книжниками противопоставлялось человеческое знание и премудрость Божия, ведь «мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией» (1 Кор 1, 21). Духовный разум немногих подвижников отличается от отягощенного плотью душевного разума

большинства людей. На пути богопознания, по мысли апостола, мистический путь предпочтителен. Павел так напутствовал учеников: «Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходит того, кто говорит языками, разве он потом и будет изъяснять, чтобы церковь получила назидание» (1 Кор 14, 5). Пророк несет миссию посредника между Богом и людьми, с Богом он общается на незнакомом языке, доступном разуму духовному, но в откровениях и назиданиях опирается на человеческие языки. «А потому, — поясняет Павел, — говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1 Кор 14, 13). Учение сердца вошло в богословскую традицию, оно получило дальнейшее развитие в русской философской традиции Серебряного века, что отразилось и в творчестве Флоренского.

То, что имеют в виду под «виденьем очами сердца» или духоразумием, при современном восприятии можно понимать как проявление множественных граней интуиции в высших творческих озарениях. Духоразумение, «умное видение», чувствознание — синонимы способности мгновенного непосредственного распознавания сущности, — способности, которой еще предстоит раскрыться в будущем [6].

В самом начале шестого письма Флоренский разграничивает духовное постижение и рациональное. Духовное постижение описывается как целостное переживание в фаворском свете, при этом сознание

«подымается над “двойною гранью времени и пространства” и входит в вечность, тут, в этом миге провозвещения, Провозглашающий Истину и Провозвещаемая Истина всячески совпадают» [12, с. 143].

Если рациональное познание связано с исследованием, анализом и последующим синтезом, как далее поясняет Флоренский, то в основе мистического постижения лежит тождество объекта и субъекта. К целостности ума ведет его очищение. Очищение от чего? От мирского, а именно: страстей, мирских желаний, власти рассудочного ума. В последнем случае Флоренский говорит о необходимости самоотвержения рассудка, который ведет к односторонности принятием той или иной точки зрения или позиции [12, с. 161]. Показательно отношение к ереси:

«Ересь, даже мистическая, есть рассудочная односторонность, утверждающая себя, как все. $\rho\epsilon$ — выбор; избрание, склонность или расположение к чему-нибудь, затем избранное, избранный образ мыслей и, отсюда, партия, секта, философская школа. Одним словом, в слове содержится идея односторонности, какого-то прямолинейного сосредоточения на одном из многих возможных утверждений. Православие вселенско, а ересь — по существу партийна» [12, с.161].

Стоит различать путь к Божественной Истине и ее достижение. Сами подвижники и мистики стоят на различных ступенях просветления, их переживания не безусловны, еще отягощены личностным. Только последние приближены к Божественной Истине.

«Самый разум раздроблен и расколот, и только очищенный богоносный ум святых подвижников несколько цельнее: в нем началось срастание разломов и трещин, в нем болезнь бытия залечивается, раны мира затягиваются, ибо и сам-то он — оздоравливающий орган мира» [12, с. 159].

Флоренский поддерживает традицию разграничивать людей по степени духовного развития, по способностям воспринимать Божественную Истину. От трехчастной формулы «тело, душа, дух» на заре христианства в оформившейся религии перешли к двухчастной «тело, душа-дух», что нашло выражение в формулировке «следовать букве или следовать духу Писания». В философских исследованиях по книжности средневековой Руси принято считать, что Писание допускает буквалистское и аллегорическое прочтение². Представляется, что эти установки в методологическом отношении требуют прояснения, и, возможно, свой вклад внесет анализ проблемы антиномий.

3 Попытка представить язык аргументации на языке логики

В тексте Флоренского широко используются идеи, принципы и термины теории аргументации.

Напомню основной тезис Флоренского:

Божественная истина может быть выражена на языке рассудка только как антиномия. Форма антиномии наиболее полно отражает тот или иной аспект (свойство) Божественной Истины.

²См., например, комментарии В.В. Милькова к изданию космологических произведений книжности древней Руси [8].

Рассмотрим *логический* и *аргументативный* аспекты данного вопроса.

Флоренский поясняет:

«Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений <...> Рассудочная формула тогда и только тогда может быть выше нападений жизни, если она всю жизнь вберет в себя, со всем ее многообразием и со всеми ее наличными и имеющими быть противоречиями. Рассудочная формула может быть истиною тогда и только тогда, если она, так сказать, предусматривает все возражения на себя и отвечает на них. (Подчеркнуто мною. — *И.Г.*). Но, чтобы предусмотреть все возражения, — надо взять не их именно конкретно, а предел их. Отсюда следует, что истина есть такое суждение, которое содержит в себе и предел всех отменений его, или, иначе, истина есть суждение самопротиворечивое» [12, с. 146–147].

Логический и аргументативный аспекты представлены в данном отрывке совершенно ясно. Действительно, в практике аргументации существует немало техник (например, средневековая хрия — мини-речь), предусматривающих возражения и снимающих их. В повседневных и специальных практиках типа юридической или богословской возражения, как правило, представляются такие, какие можно опровергнуть. Если формулировку тезиса довести до крайней позиции, то возникает возможность использовать средства классической логики, которая четко противопоставляет высказывание и его отрицание, истину и ложь (нет ничего среднего). По мысли Флоренского, объединение тезиса и антитезиса может дать полноту выражения смысла и, следовательно, приблизить к Божественной Истине.

Правомерен вопрос: действительно ли понятия тезиса и антитезиса в аргументации адекватно выразимы через высказывание и его отрицание? Как показывает логический анализ, например проделанный Сидоренко, ответ отрицательный. Скорее корректно использовать средства неклассических логик — релевантной, паранепротиворечивой, эпистемической. В большинстве ситуаций союз «и», соединяющий тезис и антитезис, отражает метаязыковой уровень языка. Скорее речь идет о возможной истине и возможной лжи, о возможности тезиса или возможности антитезиса. Само суждение (р), входя в состав отрицания (не — р) меня-

ет свой смысл, поскольку изменен контекст. Правильней было бы писать, например, p — тезис, q — антитезис. Делаем вывод: средств классической логики недостаточно для выражения тезиса и антитезиса в аргументативных ситуациях. Соединение тезиса и антитезиса по типу дополнительности выполняет ценную методологическую роль, восполняя пробелы в неполноте информации. В стремлении воспроизвести полноту жизненной ситуации рациональный ум мысленно моделирует множество ситуаций, обнаруживая множество граней единой целостности.

4 Почему необходимы антиномии?

Логический аспект мы уже рассмотрели. Антиномии воссоздают полноту аргументативной ситуации, скажем современным языком, по принципу дополнительности. Впервые интерпретацию антиномий по принципу дополнительности предложил математик А.Н. Паршин [15]. Методология выдвижения альтернатив или моделей в современной науке составляет основу неклассической рациональности.

В вопросе об антиномиях имеются также риторический и психологический аспекты. Дело в том, что крайняя поляризация, противоречивость, преувеличение (гипербола) или преуменьшение (литота), доведение до нелепости, до карикатуры, провокационные вопросы имеют особое значение для человеческого восприятия и понимания. Их можно назвать риторическими приемами, побуждающими человека мыслить, порождать смыслы. В искусстве несомненно противоречивость, крайнее противостояние предпочитается дополнительности. Для профессионального музыканта «противоречивая противоположность» имеет несомненное преимущество перед «дополнительностью». В философском отношении это означает, что принципу единства множественного (принципу дополнительности) предпочитается принцип динамики противоположностей. Считается, что в истории музыки переход от контрапунктического (времена Баха) к комплементарному началу ознаменовал стратегию сглаживания противоречий. Мнение профессионала:

«В этом переходе возвышался голос поздней эпохи, а еще — голос культуры, которая все примиряет, собирает и хранит собранные богатства на благо полноты и космополитичности искусства. Но в то же время примирение и собиранье указывают на культуру, которая усыпляет бодрые силы духа своей

благодушно-отзывчивой терпимостью. Complementum, дополнение, притупляет внимание, принимая диагональное целое как неизбежную и, однако, несиюминутную данность, как дело времени, идущего само собой и неспешно. Contrario будоражит ум, взывает к чувствам, оживляет дух, сообщает звуковой диагонали несколько авантюрный характер, который требует для рискованно-стремительного, или, иначе говоря, орнаментально подобного, завоевания вертикали. Complementum растягивает и ослабляет, contrario предельно сжимает и усиливает музыкальное выражение» [14, с. 14–15].

Эффект доведенного до предела обострения используется в особых практиках остановки «ума» в дзен-буддизме (коаны), в буддизме Махаяны. В определенном смысле Флоренский поддерживает религиозно-психологическую традицию «трансцендирования», выхода за пределы привычного мышления и опыта с тем, чтобы возбудить интуицию и спровоцировать духовные состояния сознания. Сама логика (логический ум) помогает достичь состояний просветления.

Развивая мысль о формулировке (X), Флоренский пишет:

«В области же сверхчувственной и, значит, сверхрассудочной прибавка V в определении антиномии указывает составной признак ее, ее духовное единство, ее сверхчувственную реальность, и, в Духе Святом это единство, эта реальность непосредственно переживаются и постигаются» [12, с.153].

Итак, самое главное в использовании антиномий — это возможность с их помощью достичь переживания сверхчувственной реальности. Даже относительно антиномий рационалиста Канта Флоренский отмечает:

«Нет нужды, если собственные его антиномии неудачны: дело — в переживании антиномичности» [12, с.159].

Священная книга полна антиномиями, и из всех авторитетов о. Павел выделяет апостола Павла.

«Причина чему — весьма простая. Глубина теософского умозрения сочетается у Павла с диалектической формой, тогда как у других священных писателей форма несколько афористична, или же систематическая. Рассудок не предрасположен здесь ждать связности, и потому за афористической разрозненностью не сразу замечает противоречия. Но диалектическое изложение настраивает рассудок ждать связности, и когда связность нарушается “угловой точкой”, где сходятся тезис с антитезисом, то рассудок невольно вздрагивает: это явно требуется от него жертва собою» [12, с.164].

Можно сделать общий вывод относительно логики в культурных традициях. По прямому назначению логика используется

в *познании* как методологический инструмент, в *общении* она составляет основу рациональной аргументации, в аспекте *творчества* логические стратегии используются в целях обновления мышления рациональным способом, а именно путем формулировки парадоксальных утверждений, противоречащих стереотипам и догмам. Парадокс по праву считают двигателем научного поиска. *Трансцендирование* можно назвать чрезвычайной (неспецифической) ситуацией, в которой логика выступает против самой логики, против организуемого по нормам логики и грамматики рационального мышления с целью вывести мышление за рамки рациональности, раскрыть существование иных уровней сознания и иных уровней реальности [5]. Неявно в мысли Флоренского объединены все четыре аспекта. С формированием символической логики произошло разделение логики и психологии. Флоренского можно обвинить в психологизме, однако, заметим, мыслитель поддерживает традицию своего времени, укорененную в образовании, соединять логику, психологию и теорию познания.

5 Анализ примеров

Рассмотрим некоторые примеры догматических антиномий, приводимые о.Павлом [12, с. 165]. В отношении благодати тезис гласит:

«Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать (Рим 5, 20)».

Антитезис:

«Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак» (Рим 6 10, 6, 15).

На первый взгляд, просматривается противоречие. Однако это не логическое противоречие в смысле истинности высказывания и его отрицания. При медленном чтении можно показать, что в случае тезиса и антитезиса берутся разные контексты, которые задают разные смыслы благодати. В философской литературе распространен методологический прием, называемый *экземплификацией*. Под экземплификацией понимается демонстрация частного случая некоего общего правила. Подразумевается, что частный случай может иметь специфические особенности. В отношении тезиса речь идет о проявлении принципа противоположностей в крайнем пределе, когда увеличение

одной стороны не ведет к односторонности, а задействует другую сторону специфическим образом. На данную особенность поляризации сил в свое время обратил внимание Питирим Сорокин, назвав законом социальной поляризации: во времена катастроф и кризисов большинство людей нравственно падает, но меньшинство резко взмывает вверх, проявляя духовные качества («середина вымывается»). Мир может погрязнуть в грехе, но немногие праведники, набирая духовную силу в преодолении препятствий, компенсируют общее равновесие сил добра и зла.

Развивая тезис, можно реконструировать рассуждение: «если благодать возрастает, когда мир все более погрязает в грехе, то значит можно все более грешить, соответственно, возрастет и благодать». Апостол Павел опровергает: «Нет никогда!». Разбирая данный пример, полезно различать понятие следования в логике (по правилам строгой формальной науки) и прагматическое следование в теории аргументации. В данном конкретном примере прагматическое следование допускает онтологическое понимание, если принять во внимание проявление принципа противоположностей в частных случаях (прием экземплификации). Тезис описывает ситуацию поляризации сил, которую можно усилить до известного предела, когда возможен, говоря научным языком, фазовый переход. Если грех беспредельно возрастает, то вступает в действие высшая сила, восстанавливающая справедливость. Низший полюс уничтожается. На богословском языке это означает приход времени мирового очищения от безмерно распространившегося нравственного разложения (например, всемирный потоп). Поясняя божественный промысел в отношении всемирного потопа, Иоанн Златоуст пишет: «Итак, поелику вселенная имела нужду в полном очищении, и надлежало омыть ее от всякой нечистоты, и уничтожить всю закваску прежнего развращения, так, чтобы не осталось и следа нечестия, но произошло как бы обновление стихий, то Господь поступил подобно искусному художнику, который, взяв сосуд, обветшалый от времени и изъеденный, так сказать, ржавчиною, бросает его в огонь, и согнав с него всю ржавчину, переделывает его, преобразует и приводит в прежнее благообразие» [7, с. 251].

Возможен иной исход, если устремиться к восстановлению баланса между человеческой греховностью и благодатью высших

сил. Смысл антитезиса прозрачен: путь спасения — единственный для каждой души. Временная ситуация сурового испытания должна быть преодолена каждым христианином. Крайность — лишь временное испытание, которое дано как веха на пути спасения, совершенствования. Таким образом, тезис и антитезис воссоздают полноту, если принять во внимание временной ряд событий, особенность разворачивания динамики противоположных начал по закону цикличности. Если тезис можно оценить как сущее (фактическое положение дел), то антитезис фиксирует должное. Опять-таки сущее и должное дополняют друг друга в цепи прагматических (морально-религиозных) рассуждений.

Еще одна аргументативная пара относительно понимания благодати.

Тезис.

«Всякий, пребывающий в Нем (Христе), не согрешает» (1 Ин 3, 6)

«Всякий рожденный от Бога, не делает греха — и он не может грешить» — (1 Ин 3, 9).

Антитезис.

«Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин 1, 8).

Возможно прочтение: и тезис, и антитезис не безусловны, а условны, соотношены с духовным состоянием верующего и уровнем его духовного развития. В случае тезиса говорится о сознании или уме подвижника, достигшего уровня сознания Христа, соединившего свой дух с Божественным Духом. В реальной жизни подобные состояния слияния с божественным духом возможны как озарения, духовные прорывы, трансценденции, другими словами, моменты времени, в которых временное соединяется с вечным. Однако, как уже говорилось, подвижничество — это скорее путь, а не конечное состояние, «не делать греха» — цель, ценностная установка, которой должна быть подчинена жизнь христианина. Если тезис касается должного, то антитезис говорит о сущем, фактическом состоянии дел. Соединяя сущее и должное, тезис и антитезис дополняют друг друга.

Воспроизведем полностью высказывание из Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова:

«Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его» (1 Ин 3, 6).

Отдельно взятая фраза покажется ясной и вполне выразимой средствами классической логики: дан четкий критерий греха и отрицание кажется классическим. Тем не менее, классическое по структуре высказывание в структуре целостного контекста таковым не является. Данное высказывание является заключительным в отрывке, в котором указывается на процесс богопознания:

Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист. Всякий делающий грех, делает и беззаконие, и грех есть беззаконие. И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха. Всякий, пребывающий в Нем не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его. (1 Ин 3, 2-6).

Классичность последней фразы скорее является аргументативно-риторическим приемом, позволяющим придать четкость формуле греховности. Путь богопознания — это путь очищения, изжития своей греховной человечески-земной природы, конечной целью которого станет приближение к природе Христа. На пути к Богу людей без греха нет, но сама греховность не монолит, соотношения чистоты и греховности разные.

Восстановим контекст высказывания (тезиса) «*Всякий, рожденный от Бога, не делает греха — и он не может грешить*» в Послании Иоанна. В Послании «рожденному от Бога» противопоставляется «делающий от диавола».

Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога. (1 Ин 3, 7-9).

В несовершенном мире вселенской борьбы добра и зла дела человеческие могут быть и от Бога, и от диавола. Семена Бога в душе человека могут произрасти, а могут и не произрасти. Одновременно с тезисом оказывается верным и антитезис об обманчивости собственной негреховности.

Рассмотрим приводимую Флоренским следующую аргументативную пару относительно понятия *веры*.

Тезис утверждает, что вера

Свободна и зависит от доброй воли человека (Ин 3, 16-18).

Антитезис утверждает противоположное. Вера —

Дар Божий и не находится в воле человека, но — в воле привлекающего ко Христу Отца (Ин 6, 44).

Оба отрывка представляют собой выводы рассуждений из Евангелия от Иоанна. Смысл тезиса и антитезиса становится понятным, если принять во внимание соотнесенность сказанного с духовным развитием человека. Верно утверждение «каждому по вере дается». Проходя опыт жизни, человек свободен в выборе: верить или не верить в Христа (тезис), и в то же время антитезис говорит о том, что вера даруется по воле Бога. Согласно богословским представлениям, человек в опыте жизненной борьбы может обрести веру, сама вера в божественное даром не дается, ее нужно заслужить и к ней нужно быть готовым. Видимая классичность логической ситуации при вдумчивом чтении оказывается поверхностной. Контекст тезиса и антитезиса явно неклассичен, в предпосылках подразумевается требование соотнесенности с духовным развитием человека. Сомневающимся в Его божественной природе Христос говорит: «не ропщите между собою. Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6, 43-44).

В последнем примере догматических антиномий Флоренского «пришествие Христа» видимая логическая форма, на первый взгляд, опять-таки выглядит классической. Относительно цели пришествия Христа тезис говорит:

Для суда над миром. «На суд пришел Я в мир» (Ин 9, 39).

Антитезис:

Не для суда над миром: «Я пришел не судить мир» (Ин 12, 47) [6, с. 165].

Восстановим текст полностью. В Евангелии от Иоанна Иисус обращается к ученикам и неверующим фарисеям:

На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы (Ин 9, 39).

Невидящие — не познавшие Бога, а видящие — фарисеи, другими словами, «ложно видящие», которым Иисус сказал:

Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас (Ин 9, 41).

Выразительность восстановленного текста из Евангелия от Иоанна (Ин 9, 39) достигается риторическим приемом нарочитого использования эффекта несоответствия логической формы и внутреннего содержания. Логик отметит: люди видящие и невидящие делятся по разным основаниям. Здесь нет противоречия, но задействован риторический эффект.

Вернемся к примеру Флоренского. В антитезисе смысл «судить» в оригинальном тексте из Писания совпадает со смыслом «осуждать». Неверующим Христос говорит:

Я свет **принес** в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его; ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец (Ин 12, 46-49).

К богопониманию и вере каждый человек идет сам. Иногда вера приходит только к концу жизни. В описываемой конкретной ситуации многие из начальников уверовали во Христа, но «ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги» (Ин 12, 42). Именно к данному конкретному адресату обращены слова Христа. В итоге тезис и антитезис дополняют друг друга, воспроизводя разные жизненные ситуации. Слово Христа, его проповедь разделили людей на верующих и неверующих. В этом смысле состоялся суд. Но сам Иисус не осуждает непонимающих и сомневающихся, Его Слово станет окончательным судьей в последний день. Противоречие тезиса и антитезиса не является формально-логическим в смысле классической логики. Форма антиномии, представленная внешне как логическое противоречие, призвана создать сильнейший риторический эффект, побуждая к эмоциональному переживанию.

«Будучи здесь и теперь, она [истина] должна быть символом Вечности» [12, с. 145], — пишет Флоренский. Ограниченный ум человека может выразить Божественную Истину, но в рациональном познании она выражима в форме антиномии.

В проведенном исследовании были использованы идеи неклассических логик и теории аргументации. Анализ позволяет сделать выводы, ценные для практики аргументации. Внешняя форма логического противоречия в смысле классической логики позволяет кристаллизировать мысль, четко разделяя «за» и «против», доводя до пределов выразительности тезис и противопоставляемый ему антитезис. Форму логического противоречия тезиса и антитезиса Флоренский называет антиномией. В данном случае антиномию, с учетом принципов аргументации, можно квалифицировать как риторический прием, в котором используется форма логического противоречия. Главная цель антиномии — побудить к эмоциональному переживанию и размышлению. В приводимых о. Павлом примерах антиномий тезис и антитезис связываются друг с другом по принципу дополнительности, например, как пара должное и сущее, как фазы в динамическом процессе, как соотнесенные с разными адресатами. Даны примеры рассуждений, основанные на прагматическом следовании.

Медленно вчитываясь в тексты Флоренского, невольно поражаешься интуиции и богатому воображению философа-богослова, который пытался опираться на достижения науки своего времени, но мысль которого не вписывалась в тесные рамки доступного научного языка. Как это ни парадоксально, но из некорректного использования средств логики богословом (на уровне науки того времени) современный исследователь может извлечь пользу, задумавшись над соотношением принципов классической логики и практики аргументации. По-новому предстает вопрос о психологизме в логике. В истории науки борьба с психологизмом шла на фоне становящейся символической логики и разделения наук, но сегодня в разгар междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований актуален вопрос об объединении усилий разных сфер познания, о многогранном диалоге. В общем контексте гуманитарных исследований привлечение

логики к анализу культурологических и религиоведческих проблем представляется актуальным.

Литература

- [1] *Бажанов В. А.* Логика в России и православная церковь // Седьмые Смирновские чтения. Материалы научной конференции. Москва. 22-24 июня 2011. М., 2011.
- [2] *Бирюков Б. В.* Из истории математической логики в России: "Задача Кэррала" в трактовке о. Павла Флоренского // Логические исследования. Вып. 6. М., 1999.
- [3] *Бирюков Б. В., Прядко И. П.* Проблема логического противоречия и русская религиозная философия // Логические исследования. Вып. 16. 2010.
- [4] *Бочаров В. А.* Павел Флоренский и логика // Седьмые Смирновские чтения. Материалы научной конференции. Москва. 22-24 июня 2011. М., 2011.
- [5] *Герасимова И. А.* Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). М., 2010.
- [6] *Герасимова И. А.* Духовные способности: идеалы и реальность // Дельфис. №4, 2009.
- [7] *Златоуст* // Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа Константинопольского избранные творения. Беседы на Книгу Бытия. Т.1. XXV. 6. Репринтное издание. М., 1993.
- [8] Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. I. Тексты геоцентрической традиции. Ч. II. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций // Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. IV (1-2). СПб.: ИД "Мирь". Ч. I, 2008. Ч. II. 2009.
- [9] *Месяц С. В.* Прокл // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 640.
- [10] *Ориген.* О началах. Самара, 1993.
- [11] *Сидоренко Е. А.* Логика. Парадоксы. Возможные миры. (Размышления о мышлении в девяти очерках). М., 2002.
- [12] *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Глава VII. Письмо шестое: противоречие. Т.1 (I). М., 1990.
- [13] *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Т.2 (I). М., 1990.
- [14] DE MUSICA. Фрагменты старых трактатов из собрания мастеров XXVI Магистра Музыки, заново сокомпозированные им самим в подражание мастерам прошлого и пересказанные в переводе его подмастерьем в духе свободных фантазий и новейших теорий. СПб.: Композитор. 2004.
- [15] *Паршин А. Н.* Дополнительность и симметрия // Вопросы философии. № 4. 2007. С. 84-104.